

ТРИАДА «ЯЗЫК — КУЛЬТУРА — ЭТНОС» СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНТРОПОНИМИИ: КАЛМЫЦКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В КОНТЕКСТЕ БУДДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Э.У. Омакаева

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-04-00449а

В статье представлены некоторые результаты анализа калмыцких личных имен в лингвокультурологическом аспекте.

Ключевые слова: *имя, антропоним, калмыцкий язык, культура, лексика, обряд, буддизм.*

Within the framework of the research the author presents some results of the analysis of Kalmyk names in lingvocultural aspect.

Keywords: *name, anthroponim, Kalmyk language, culture, lexicon, rite, Buddhism.*

В процессе углубленных лингвистических исследований последних десятилетий, особенно в области семантики, четко определилось направление, изучающее взаимосвязь языка и культуры, в рамках которого базовой проблемой предстает вопрос о том, как, изучая язык, мы можем объяснить особенности той или иной культуры и, наоборот, как, изучая культуру, мы можем объяснить особенности того или иного языка.

Сложной проблеме взаимоотношения языка и культуры посвящено немало работ современных исследователей: Ю.С. Степанова, В.Б. Касевича, Т.В. Топоровой, В.В. Воробьева, В.А. Масловой, В.Н. Телия, Г.Ц. Пюрбеева и др.

Истоки лингвокультурологии заключены в знаменитой гумбольдтианской триаде «язык — народ — дух». Калмыцкий язык, как и любой другой естественный язык, - результат культурной эволюции этнического сообщества.

В языке — в его словаре и грамматике — заключена картина мира калмыцкого этноса, его кристаллизованный опыт. Номинативный компонент языковой системы, в первую очередь словарь, включающий лексику, фразеологию, паремиологию, является наиболее репрезентативным материалом, где отчетливо виден срез «язык — культура — этнос».

Значительную часть лексикона любого языка составляют онимы (имена собственные). Оним - объект ономастики, лингвистической науки, которая определяет его как «слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого объекта среди других объектов и его индивидуализации и идентификации» [2, с. 95]. Но задача изучения феномена имени собственного не ограничивается только языковыми аспектами. Ономастика вырастает в комплексную проблему, затрагивающую самые разные аспекты материальной и духовной сферы.

Важнейшим фрагментом ономастикона любого языка является антропонимия (личные имена, фамилии, прозвища, псевдонимы), изучение которой тесно связано с целым комплексом гуманитарных наук, среди которых можно выделить литературоведение, фольклористику, этнологию, культурологию.

Личное имя, будучи объектом междисциплинарного изучения целого ряда наук, актуализирует три основных направления: 1) лингвистическое, рассматривающее собственное имя как языковой знак, исследующее его семантическую и словообразовательную структуру; 2) фольклорно-литературоведческое, в рамках которого имя персонажа выступает как средство создания художественного образа; 3) историко-этнографическое, представляющее имя собственное как знак социальный, отражающий быт, культуру, мировоззрение народа. В рамках последнего направления изучаются экстралингвистические аспекты антропонимов — мотивы имяназвания, социальные функции имени и т.д.

Развитие отечественной ономастики последнего десятилетия отмечено проявлением определенной активности в изучении антропонимии, углублением теоретической и расширением эмпирической базы исследования собственных имен, рождением новых направлений (лингвокультурология, когнитология и др.), повышенным интересом к современным животрепещущим темам (имя собственное и языковая картина мира, личное имя и идентичность, этническое имя и глобализация, литературная ономастика, имя в СМИ и т.д.). Вместе с тем необходимо признать, что порой недостаточно объективно и не вполне адекватно анализируется современная антропонимическая ситуация, слабо используются компьютерные методики и инновационные технологии.

Многоаспектность антропонима предполагает комплексный подход к его изучению, позволяющий рассматривать феномен личного имени с разных сторон, под разным ракурсом при неизменности целостного видения проблемы. Это, в свою очередь, предполагает множество частных объектов наблюдения, иначе говоря, в зависимости от аспекта конкретизируется объект исследования.

Необходимо учитывать и изменение антропонимикона того или иного народа под действием исторических, социально-политических, правовых, культурных, психологических, экономических факторов. На разных этапах исторического развития в зависимости от вневлигвистической ситуации может отдаваться предпочтение то одним, то другим именам, национальный антропонимикон может меняться, но он остается неизменным спутником жизни коллектива.

Нам уже не раз приходилось писать о том, что антропонимы представляют большой интерес с лингвистической точки зрения [3]. В лингвистическом исследовании личных имен мы выделяем пять основных проблемных блоков: собственно лингвистический, включающий как теоретические (например, типология антропонимов, их классификация и т.п.), так и прикладные аспекты (словари личных имен, перевод и т.д.); социолингвистический; психолингвистический; этнолингвистический (лингвокультурологический) и лингвопоэтический. Практически все они малоисследованы, а некоторые, пожалуй, только начинают разрабатываться.

Тема, заявленная в названии доклада, представляется актуальной прежде всего для решения ряда теоретических и прикладных вопросов социолингвистики, поскольку последнюю, как известно, интересуют «конкретные» носители языка, в отличие от собственно лингвистики, изучающей язык «абстрактных носителей».

Это и побуждает нас обратить внимание в большей степени именно на социолингвистический и лингвокультурологический аспекты ономастики и в меньшей – на все остальные. Как известно, предмет особой отрасли языкознания – социолингвистики – составляет проблематика, связанная с проявлением социальных характеристик говорящего и слушающего в языке, речевой деятельности и тексте.

Вопрос о значении имени собственного до сих пор остается одним из наиболее дискуссионных. Так, А.В. Суперанская выделяет шесть теорий, основанных на связи имени с понятием и именуемым объектом [1, с. 7]. Часто неправомерно смешиваются, не разграничиваются совершенно различные явления: этимологическое

значение апеллятивной основы, т. е. значение доантропонимическое; собственно антропонимическое («паспортное»), указывающее на данное лицо; отантропонимическое, рождаемое личностью носителя имени.

Поскольку ономастика - часть лингвистики, мы рассматриваем имена как особый лексический пласт языка, но для правильной интерпретации семантической структуры антропонимов мы вынуждены обращаться к историко-этнографическим данным, имея в виду социальность личных имен и невозможность их существования вне социума с его картиной мира, ритуалом, правилами, законами и мировоззрением.

Антропонимия сегодня активно исследуется в лингвокультурологическом плане, с учетом социальных и психологических факторов, особенностей языкового общения. Активизация междисциплинарных исследований, сигнализирующая о расширении границ лингвистического знания, наметилась и в современной калмыцкой ономастике. Такой комплексный подход поможет, на наш взгляд, избежать и одностороннего рассмотрения личных имен.

Калмыцкая антропонимия видится нам как определенным образом структурированная полевая система со своим ядром и периферией, в которой нет места чему-то случайному. Личные имена, будучи соотношенными с человеком (носителем имени) и конкретным обрядовым комплексом, относятся к тем элементам лексической системы калмыцкого языка, которые несут определенную культурно-историческую информацию.

Но на сегодняшний день актуально не просто собрать воедино реликты прошлого и истолковать современную антропонимическую ситуацию, но и по возможности воссоздать традиционную ономастическую картину мира монгольских народов. Семантическая структура антропонима «проливает свет на экстралингвистическую сферу – модель мира, отражающую сумму представлений о макро- и микрокосме носителей данной традиции» [4].

Постановка такой задачи стала возможной лишь сегодня, когда традиционная система антропонимов, возникших в конкретную историческую эпоху и представляющих устную культурную традицию, может быть по-новому осмыслена и даже существенно пересмотрена через призму языка и кросс-культурных контактов. Традиция именная ойратов, имеющая центрально-азиатское происхождение, впитала в себя антропонимикон Древней Индии и Тибета, будучи тесно связанной с письменной

тибето-монгольской традицией.

Изучение языковых особенностей личных имен особенно продуктивно в рамках этнолингвистики. И это не случайно. Антропонимы имеют большую познавательную и культурно-историческую ценность. Это своего рода история жизни этноса, настоящая энциклопедия народного быта, передающая его неповторимый колорит, своеобразие материальной и духовной культуры, неписанные правила поведения в семье и обществе.

Исследование калмыцкого антропонимикона осуществляется нами в русле пилотных разработок в области реконструкции материальной и духовной культуры этноса по данным языка (В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян, Н.И. Толстой, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо и др.), современных ономастических работ [5] с учетом достижений калмыцкой антропонимики.

Личным именам калмыков посвящена значительная литература, созданная как в прошлые столетия, так и в относительно недавнее время. В научном багаже калмыцкой школы ономастики есть опыт предшествующих поколений, к которым принадлежат собиратели личных имен, записанных в разное время в Калмыкии, и современные разработки в области изучения антропонимии калмыков (М.У. Монраев, Г.Ц. Пюрбеев, В.П. Дарбакова, Т.Г. Басангова, Э.У. Омакаева и др.). Ценным вкладом в изучение личных имен является докторская диссертация и монографии М.У. Монраева, фиксирующие антропонимическую лексику калмыков [6].

Традиционная модель калмыцкой антропонимической системы двучленна: личное имя и имя отца, например, Бадмин Харцх (Харцха, сын Бадмы), но под влиянием русской модели трансформировалась в трехчленную, где имя отца стало отчеством. Древняя антропонимическая система монгольских народов была, как известно, одночленной, использовавшей для наименования человека лишь одно имя. В древних именах широко была представлена титулатура, поэтому большинство имен были многосоставными.

Противопоставленность имя/фамилия – один из важных признаков системной организации антропонимического материала калмыцкого языка. Общеизвестно, что основным свойством элементов любой лингвистической системы является наличие в ней оппозиций.

Каждый член оппозиции образует своеобразную подсистему, которая также образуется на определенных противопоставлениях и характеризуется своими особыми связями. В современной подсистеме личных имен калмыков чет-

ко противопоставляются два разряда: мужские и женские имена, но раньше гендерная маркированность калмыцкого имени была не столь заметной: часто одно и то же имя носили и мужчины, и женщины.

Калмыцкие личные имена вызвали у нас особый интерес как с точки зрения их особой роли в ономастическом пространстве калмыцкого языка, так и с точки зрения их представленности в языке, обслуживающем буддийскую культуру.

Традиционно имя считалось сутью человека. У калмыков есть пословица «Зун күүнэ чирэ үзхэр, нег күүнэ нер мед» (Чем знать 100 человек в лицо, лучше знать одного по имени).

Наречение именем – важнейший инициационный акт, придающий новорожденному статус человека [7].

Естественно, что в контексте буддийской культуры этот акт отождествлялся с религиозным обрядом очищения, во время которого ребенок получал имя.

В связи с распространением буддизма традиционный фонд собственно калмыцких имен был значительно расширен именами санскритского и тибетского происхождения. Такие имена очень популярны среди калмыков. Среди них можно обнаружить попавшие в калмыцкий язык в разное время через уйгурский и тибетский языки санскритизмы (Эрднь, Радна, Эрнцн, Эрнжэн «Драгоценность», Очр, Баазр «Ваджра», Дэр «Тара» и др.), а также тибетские имена: Санж «Просветленный, Будда», Церн «Долгая Жизнь» (калмыцкий эквивалент Утнасн), Чагдр «Ваджрапани», Мингъян «Благозвучное имя», Луузн «Хороший Ум» и т.д.

Самым распространенным было календарное имянаречение. Имя определялось в соответствии с астрологическими признаками дня рождения ребенка. Не случайно у калмыков многие имена обозначают названия планет и созвездий, что связано с днем недели, в который родился человек. Следует отметить, что в калмыцкий именник попали не только исконные имена, но и заимствования. Например: санскр. Адъян, тиб. Нимэ, калм. Нарн 'Солнце', санскр. Сумъян, калм. Сарн, тиб. Дава 'Луна', тиб. Мигмр 'Марс', калм. Улмж, тиб. Лавга 'Меркурий', тиб. Пүрвэ 'Юпитер', тиб. Басн, санскр. Шуһр 'Венера', тиб. Бемб, санскр. Санчр 'Сатурн'. Хотя такие имена давали в основном мальчикам, встречались они и у девочек, поэтому у калмыков было много общих имен.

Благоприятным временем для наречения именем считались периоды нахождения Солнца в зодиакальных созвездиях Стрельца (Нумн),

Водолея (Бумб, Хумх), Рыб (Заһсн), Близнецов (Хүрцл). Весы и Скорпион относились к неблагоприятным созвездиям для имянаречения.

Плохими днями для наречения имени были дни, которыми управляли созвездия № 1, 3, 8, 10, 13, 17, 18.

В воскресенье предписывалось давать имена ханские. Но такие имена могли носить только особы княжеского рода (нойоны). В понедельник можно было давать имена чиновников и простых людей. В среду - мужские имена, в четверг - буддийские имена гелюнгов, в пятницу - женские имена и имена, обозначающие названия животных, вещей, драгоценностей [8].

Если же календарное имя было по какой-то причине нежелательно, выбирали другое имя.

После совершения обряда имянаречения в целях предохранения ребенка от несчастья астролог давал специальный талисман «бу» (по П. Небольсину, тельник) - зашитое в материю (цвет материи определялся зурхачи) изображение божества (шутэн) с заклинаниями (тэрн). Амулет надевали на шею ребенка, а на следующий день снимали и привязывали к колыбельке. С выходом из колыбельного возраста амулет одевали снова на шею ребенку. В качестве детских оберегов широко использовались и серебряные монеты, раковины каури, которые назывались по-калмыцки «моһан толһа» (змеиная головка). Это же название бытует у многих тюркских народов, например, у татар, казахов, киргизов, туркмен. Монеты и раковины прикреплялись обычно к волосам ребенка.

Если обряд омовения совершался без участия священнослужителя, то тогда ездили в хурул освятить воду, размешав в половине стакана воды одну чайную ложку молока. Заговоренную в хуруле воду смешивали дома в чистой посуде с 3 литрами теплой воды. Затем воду выливали в таз, куда бросали белые и желтые монеты с пожеланием долгой жизни младенцу, соль для укрепления тела, костей ребенка, щепотку можжевелового порошка для очищения от грехов предыдущих жизней. Иногда в воду для первого купания бросали три черных камушка с пожеланием «Пусть твоя жизненная сила будет крепче черных камней!» [9, с. 30].

Если емкости для купания не было, то ребенка омыли на руках, предварительно положив кусочек ткани, на который сверху клали монетки, и возжигали можжевеловый порошок для окуривания.

Поливая водой ребенка, произносили: «По божественной милости ты с сегодняшнего дня очистился» (ода цеврдж одвч). Обряд обычно совершала мать ребенка при помощи других

женщин. После обмывания мать проводила несколько раз своим языком по телу ребенка.

Обряд первого купания ребенка основан на мифологических представлениях о воде как обереге, животворном средстве, санкционирующем новый статус ребенка.

Обряд имянаречения без участия священнослужителя происходил следующим образом. Как только из хурула получали письменное известие о том, какое имя следует дать ребенку, родильница спешила в дом родителей отца ребенка.

Это был ее первый выход к родным мужа. Мать ребенка брала с собой ребенка в люльке и подношения - борцоки (3 тазика-тевш), чай (3 кувшина-домбо), водку (несколько фляжек-бортха), тушу целиком сваренного барана. Когда она подходила к кибитке свекра, то сразу не заходила, оставаясь снаружи у распахнутых дверей. Подарки у нее забирали и ставили в ряд на жертвенник (алтарь) и только после этого ей позволялось переступить порог кибитки. Войдя после специального разрешения в кибитку, мать ребенка ставила колыбельку перед большим бараном, прислонив ее отвесно к шести, на вершине которого находилась жертвенная чаша, и молилась перед алтарем, совершая три поклона.

Обряд имянаречения совершал старший участник обряда, обычно дед (өвк эцк). Он подходил к алтарю и, отвесив три поклона, наклонялся к ребенку, лежащему в колыбельке, затем, взяв за левую мочку уха, если давали имя девочке, и правую мочку, если это был мальчик, негромко трижды произносил имя: «По божественной милости ты с этого дня именуешься так-то». После этого вынимал из принесенного барана сердце, отрезал верхний кусочек и прикладывал ко рту ребенка. С этого времени ребенок считался грешным (килнц хурана), поскольку попробовал кусочек мяса животного, специально для него заколотого. Оставшуюся часть сердца барана клали на алтарь [10, с. 86-87].

После совершения обряда мать вместе с ребенком переходила на женскую половину кибитки и садилась рядом со свекровью у малого барана. Родители мужа одаривали ее и ребенка подарками и произносили благопожелания.

По представлениям калмыков, жизнь ребенка и его счастье во многом зависели от имени. Считалось, что имя влияет на судьбу ребенка, его будущий характер и способности.

Часто ребенку давали тотемное имя (Чон - Волк, Ноха - Собака и т.д.). Имена животных носят двойственный характер: с одной стороны, с их помощью ребенок получал защиту, вновь нарекаемому должны были передаться качества

соответствующих животных – сила и неуязвимость волка, живучесть и крепость собаки, с другой – ребенок причислялся к миру природы с целью обмана злых духов.

Помимо социальной функции имени (идентификация его носителя), большое значение придавалось его мифологической функции, магическим свойствам, регулирующим отношения человека с потусторонним миром, миром природы, космосом. Обычно эти две функции свойственны одному имени. Но в особых случаях, когда ребенку угрожает опасность, ему давали второе имя (обычно на семейном совете), которое использовалось в повседневной жизни, а настоящее имя табуировалось и скрывалось.

Имя выбирали на семейном совете, учитывая время появления ребенка на свет, погодные условия и другие обстоятельства того дня, родословную (тохм көөж) и т.д. Особенно было принято давать имена уважаемых в роду предков.

Ребенка нельзя было назвать в честь родителей, дедушки и бабушки, а также здравствующих и недавно умерших родственников. Считалось, что называть ребенка так же, как уже зовут кого-то из домашних, опасно для обоих. В настоящее время этот обычай часто нарушается.

В калмыцкой среде существовал запрет на произнесение имени мужа, соблюдаемый его женой. Это табу распространялось также и на родственников мужа. Обычай табуирования имен (хадмнх) рождал «новые» имена, поскольку невестка, пришедшая в семью мужа, до конца своей жизни намеренно искажала имена мужа и его родственников. Так, вместо Бадм появилось Ядм, вместо Дорж – Ерж и т.д.

В романе Алексея Балакаева «Арвн хурвн өдр, арвн хурвн жил» («Тринадцать дней, тринадцать лет») есть такой эпизод: когда у бабушки спрашивают ее фамилию, она называет свое имя и говорит: «...как я могу назвать имя отца моего мужа, Грех ведь, нельзя». Потом все же называет: Ядма-Мер [11, с. 298], т.е. Бадма-Халгаева.

Очень популярны у калмыков были благопожелательные имена: Киштэ «Счастливая», Байн «Богатая», Цахан «Белая», Мергн «Меткий», Цецн «Мудрый», Баатр «Богатырь» и др.

По имени можно было узнать субэтническую принадлежность его носителя. Так, у торговцев существовала традиция называть детей двойным именем, особенно популярны были имена со вторым компонентом Гаря (например, Эрдни-Гаря, Сангаджи-Гаря, Манджи-Гаря).

Другие принципы выбора имени применялись обычно, если ребенок родился слабым

и существовала опасность, что он не выживет, если в семье умирали («не держались») дети или родители хотели переменить пол детей.

Если в семье умирали дети, то вновь родившемуся ребенку давали чужое имя – православное или мусульманское (например, Ахмед). Особенно много русских имен появилось у калмыков после Сибири.

В целях обмана злых духов мальчикам давали женские имена: например, Окн – Девушка, Күүкн – Девочка (Му Күүкн – Плохая девочка) и т.д., которые носят и поныне мужчины среднего и старшего возраста. Хотя сегодня вряд ли будут называть так мальчиков, этот обычай зафиксирован в калмыцких фамилиях Оконов, Кукунов, Мукукунов и т.п.

Если в семье рождались одни девочки, то последнему ребенку давали «останавливающее имя» (например, Болха).

Видимо, вся система примет, поверий и запретов, связанных с магией имен, имеет под собой определенное основание. Болезнь ребенка нередко объяснялась неправильно выбранным именем, поэтому средством избавления от болезни, «перерождения» человека считали перемену имени.

В свое время была мода на имена героев калмыцкого эпоса «Джангар», имена великих ханов. Такие имена, как Джангар, Чингиз, калмыки считают «тяжелыми» (күнд нерн). В отдельных случаях, когда имя «не идет» (зокчахш) его носителю, лучше сменить это имя. Иначе ребенка будут преследовать болезни и несчастья.

Любое имя, имеющее «тяжелую наследственность», каким бы благозвучным и красивым оно ни было, неизбежно попадает в разряд «запретных». Судьба имени, его жизнь в языке во многом зависит от судьбы его носителя.

Вот что пишет калмыцкий писатель Алексей Балакаев в своем романе «Арвн хурвн өдр, арвн хурвн жил» о женском имени Төгрэш: «Красивое имя. Но, видимо, калмыки от суеверия не называют эти именем своих дочерей. На это есть причина» [11, с. 255]. У калмыков есть одна старинная песня. История этой песни печальна. Родители выдали свою дочь, 16-летнюю девушку, красивую, как луна и солнце, хрупкую, как стекло, замуж за дряхлого 70-летнего старика. Считается, что девушка сама сочинила эту песню о своей трагической судьбе. Писатель пишет далее: «И народ наш, слыша эту горькую песню, видимо, невольно поддается ложному суеверию и не называет своих дочерей именем Тегряш» [11, с. 256].

Кстати сказать, имена литературных и фольклорных персонажей изучаются поэтиче-

ской ономастикой (ономатопозетикой) — разделом ономастики, изучающим любые имена собственные (поэтонимы) в художественных произведениях и устном народном творчестве.

В отличие от бытовых имен, они обладают определенной спецификой, выявление которой представляет значительные трудности ввиду сложности и многомерности объекта литературной и фольклорной ономастики. По мнению В.А. Никонова, «об именах персонажей пишут много и плохо. Берутся за это, в большинстве не понимая трудностей. Трудности лингвистические помножены на трудности литературоведческие» [Никонов 1974, 234].

Наречение именем литературного персонажа — акт сознательного творчества автора. Поэтические имена, как правило, семантически и стилистически мотивированы, причем для их образования автор выбирает семантически прозрачные основы, чтобы апеллятивное значение имени было понятно читателю. В читательском восприятии такие имена приобретают статус «говорящих».

Имя персонажа — одно из средств, создающих художественный образ; оно может указывать на социальную принадлежность, передавать национальный и местный колорит, а если действие происходит в прошлом, то воссоздавать историческую правду (или разрушать ее, если имя избрано вопреки правде) [Никонов 1974, с. 233]. Поэтому изучение литературной антропонимии преследует прежде всего задачи литературоведческого, социолингвистического плана. Фольклорная, особенно эпическая, ономастика носит лингвофольклористический, этнолингвистический характер.

Изучение литературных и фольклорных антропонимов на материале художественных произведений (прозы и поэзии) и калмыцкого фольклора (эпоса, песен, сказок) позволяет сделать вывод, что имена собственные являются составной частью художественного (фольклорного) текста, а их выбор зависит от традиций антропонимикона народа, жанровой разновидности произведения, конкретной ситуации и сюжета.

Таким образом, изучение каждого имени в отдельности и всей совокупности личных имен калмыков в системе имеет важное значение для восстановления по данным языка мировидения калмыцкого этноса, реконструкции культурных, этнопсихологических и мифологических представлений народов центральноазиатского ареала.

Имена имеют разную степень актуальности не только в той или иной лингвокультуре, но и в различные исторические периоды жизни одно-

го народа. Наиболее важные для этноса личные имена являются культурными доминантами. Можно с достаточной точностью охарактеризовать специфику калмыцкой лингвокультуры на основе анализа определенных имен, которые относятся к культурным доминантам.

Сохранение этничности мы связываем и с жизненностью личных имен, ибо в антропонимах воплощены этические и эстетические ценности народа, которые с одной стороны, носят общечеловеческий характер, а с другой — отражают менталитет этноса, своеобразие национального характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 200 с.
3. Омакаева Э.У. Насущные проблемы калмыцкой ономастики // Тезисы и доклады Межд. научно-теоретической конф. “Банзаровские чтения-2”, посв. 175-летию Д. Банзарова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997; Она же. Отражение древней картины мира в ономастиконе калмыцкого эпоса “Джангар” // II Международный конгресс этнографов и антропологов (1-5 июня 1997 г.): В 2-х ч. Ч. 2. Уфа: “Восточ. ун-т”, 1997; Она же. Калмыцкая фамильная антропонимия // Ономастика Поволжья. Тез. докл. межд. конф. Волгоград: Перемена, 1998 (в соавторстве с Бадгаевым Н.Б.).
4. Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.
5. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Султанов А.Х., Сталтмане В.Э. Теория и методика ономастических исследований. М, 2007. 256 с.
6. Монраев М.У. Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста, 1998.
7. Омакаева Э.У. Родины в обрядовой культуре калмыков // Сб. V Конгресс этнографов и антропологов. Омск, 8-12 июня 2003. М., 2003; Хабунова Е.Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов-на-Дону, 2006.
8. Омакаева Э.У. Культ созвездий и планет у монголов // Этнокультурная лексика монгольских языков. Улан-Удэ, 1994; Омакаева Э.У. Калмыцкая астрология. Молитвы. Элиста, 1995; Омакаева Э.У. Магия и астрология в калмыцких обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка и первым годом его жизни // ALTAICA II. Сборник статей и материалов. М., 1998.
9. Хабунова Е.Э. Һулмт. Хальмгудын эмдрлин эргцин заң-үүл болн амн үүдэвр. Элст, 2005.
10. Небольсин П.И.. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. - СПб., 1852.
11. Балакан Алексей. Арвн хурвн өдр, арвн хурвн жил (роман). Элст, 1991; Балакаев А.Г. Тринадцать дней, тринадцать лет. Элиста, 1995.

**Вестник
Калмыцкого института гуманитарных
исследований РАН**

№2, 2008

Сдано в набор 11.11.2008. Подписано в печать 25.12.08. Формат бумаги 60x84 1/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12.4. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель: Учреждение Российской академии наук
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

Отпечатано в КИГИ РАН, Республика Калмыкия 358000, г. Элиста, ул. Илишкина, 8